

И.В. Черданцева

**От концепта «Я-философ-ироник»
к концептуальному конструкту.
Основания и условия построения конструкта
«Я-философ-ироник»**

I.V. Cherdantseva

**From the Concept «I-Philosopher-Ironist»
to the Conceptual Construction.
Foundations and Conditions of Creation
of the Conceptual Construction «I-Philosopher-Ironist»**

Статья посвящена поиску антропологических возможностей философии за счет переключения внимания с вопроса: «Что такое философия?», – на вопрос: «Кто такой философ?». Автор статьи полагает, что исследование фигуры философа (а именно философа-ироника) будет наиболее эффективным в случае обращения к концепту «Я-философ-ироник», который наполняется конкретным индивидуальным содержанием при переходе к концептуальному конструкту «Я-философ-ироник». Выделяются основания и условия построения данного конструкта, связанные с принципом непостижимости человека и мира и способностью философского конструирования возможных миров.

Ключевые слова: философ, философский дискурс, жизнь философа, концепт «Я-философ-ироник», концептуальный конструкт «Я-философ-ироник».

Работа И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения» является одним из первых философско-антропологических произведений, призывающих философию обрести «человеческое лицо» и создать такой тип философского дискурса, который бы позволил сделать человека не только центром философской рефлексии, но и отправной точкой философствования. Поддерживая этот призыв и размышляя о специфике и предназначении философского знания, мы предлагаем сосредоточить внимание на фигуре философа и тем самым заменить достаточно широкий и отвлеченный вопрос: «Что такое философия?», – более узким и более ярко выраженным в субъективном отношении вопросом: «Кто такой философ?». В результате этой замены главным предметом нашего изучения становится философствующий индивид, при этом мы считаем, что разговор о философе должен включать в себя рассмотрение его не только как создателя той или иной философской системы, но и как творца самого себя – человека, стремящегося к достижению состояния мудрости.

This article is devoted to search of anthropological possibilities of philosophy. These possibilities are opened when we turn our attention from the question «What is philosophy?» to the question «Who is a philosopher?» The author of this article believes that the study of a figure of a philosopher (exactly the study of a philosopher-ironist) will be effective when we shall use the concept «I-philosopher-ironist» in our investigations. This concept fills the concrete individual content and turns into the conceptual construction «I-philosopher-ironist». The author also picks out foundations and conditions of creation of this conceptual construction connecting with the principle of incomprehensibility of a world and the ability for philosophical building of possible worlds.

Key words: philosopher, philosophical discourse, life of philosopher, concept «I-philosopher-ironist», construction «I-philosopher-ironist».

Предлагая нам обратить внимание на самих себя как на философов, а не только авторов философских концепций, французский историк философии Пьер Адо в работе «Что такое античная философия?» подчеркивает глубокое различие между современным и античным представлением о философии. Это различие состоит в том, что древнегреческий и древнеримский философы цель своей философской деятельности видели не только в развитии философской рефлексии и построении теоретической модели, объясняющей устройство мироздания, но и в осуществлении особого философского образа жизни, позволяющего им совершенствовать себя и быть теми, кто *живет* определенным образом.

Античный идеал, призывающий задуматься о философствующем индивиде как создателе особой жизни, а не только оригинального философского учения, может выступить для нас в качестве своеобразного ценностного ориентира. Для того чтобы этот ориентир смог оказать нам действительную помощь, мы должны сразу определить область наших при-

тязаний в отношении ракурса представления жизни философа. В самом деле, что и как мы можем сказать о себе как философах? Что мы можем сказать о себе как людях, стремящихся стать мудрецами и живущих в определенном пространстве и времени? Каким образом мы будем говорить об этом? Ведь очевидно, что философ никогда не может быть познан в своей целостности и конкретности ни самим собой, ни другими мыслителями – вся феноменологическая ветвь экзистенциальной философии (и если бы только она одна!) показывает бесперспективность постижения бытия предметно-понятийным способом. Действительно, сложно не согласиться с тем, что «экзистенциальный компонент» философа навсегда останется загадкой: жизнь (существование, бытие) философа (да и вообще любого другого человека) никогда не сможет достичь полного выражения в мысли и всегда будет включать в себя, наряду со сферой рационального, постижимого, осознанного, область иррационального, непостижимого, бессознательного и т.д.

Но тогда встает вопрос: что делать, если мы, с одной стороны, пытаемся переключить внимание с философских теорий на жизнь философа и приблизиться к ее постижению, а с другой стороны, нас не устраивает уровень философских понятий как слишком абстрактный и всеобщий, и мы не можем его принять?

Нам кажется, что в такой ситуации мы можем обратиться не к философскому понятию, а к философскому концепту. В качестве такого концепта, позволяющего философу говорить об особенностях своего дискурса и своей жизни, мы предлагаем использовать сложный по своему составу концепт «Я-философ». Этот концепт, с учетом того, что нас интересует не просто философ, а человек, относящий себя к иронизирующим мыслителям, превращается в еще более сложное концептуальное образование «Я-философ-ироник». Итак, чем же отличается концепт от понятия?

Согласно традиции, которую задает средневековая философская мысль в лице П. Абеляра, диалогическая философия XX в., французские философы-постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари, наши соотечественники С.С. Неретина, Л.А. Микешина, М. Эпштейн, концепт можно определить как единицу речевого высказывания, соответствующую широкому смыслу понимания философского дискурса как сферы связного текста в совокупности с экстралингвистическими факторами, в число которых входит и экзистенциальный фактор. С.С. Неретина, поднимая вопрос о различии понятия как языковой всеобщей структуры и концепта как творческого субъективного образования, предлагает понимать последний как акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания [1, с. 137]. Исходя из этого, мы считаем возможным трактовать концепт как *творческую субъективно-речевую форму*

понимания и создания структурного образования «Я-философ-ироник», возникающую на основе соответствующего понятия и выражающуюся посредством философского дискурса.

Таким образом, когда мы вместо термина «понятие» употребляем термин «концепт», это свидетельствует о нашей попытке перейти от *совокупности абстрактных всеобщих смыслов* к происходящему в речи как в субъективной целостности *творческому собиранию индивидуально окрашенных смыслов.* Однако для того, чтобы эти смыслы заполнились действительно конкретным содержанием, мы считаем нужным развернуть концепт «Я-философ-ироник» в одноименный концептуальный конструкт. Это позволило бы нам приблизиться к решению той задачи, которую мы поставили перед собой в этой статье, желая создать для иронизирующего философа возможность более или менее адекватного представления своего дискурса и своей жизни.

Раскрытие смыслов концептуального конструкта «Я-философ-ироник» невозможно в рамках данной работы – этому должно быть посвящено отдельное исследование. Но несмотря на это, нам все равно хотелось бы выделить основные содержательные элементы концепта «Я-философ-ироник», которые в конструкте получают свое дальнейшее развитие, и, кроме того, обсудить хотя бы в самом общем виде проблему философско-методологического обоснования интересующего нас конструкта.

Если говорить о базовых элементах концепта «Я-философ-ироник», то к ним можно отнести следующие структурные образования:

«Я как философ-ироник, стремящийся стать мудрецом»;

«Я как философ-ироник, способный творить, наблюдать, представлять и анализировать свои ценностные ориентации и экзистенциальный опыт»;

«Я как творец своей иронической философской концепции и своего иронического философского дискурса»;

«Теоретическое содержание моей иронической философской концепции»;

«Теоретическое содержание моей иронической философской концепции, имеющее отношение к моей жизни философа-ироника»;

«Я как философ, выстраивающий взаимосвязи между своим ироническим философским дискурсом и своей жизнью философа-ироника».

Индивидуальные составляющие вышеприведенных смыслов концепта «Я-философ-ироник» (как, впрочем, и развернутое содержание этих всеобщих смыслов) в полной мере могут проявиться только в форме речи или текста, представляющей этот концепт в конкретном конструкте, однако уже сейчас мы можем предположить взаимосвязь этих индивидуальных составляющих с таким историко-философским

опытом и материалом, который имеет отношение не только к философскому дискурсу, но и к жизни философа. Ярчайшим образцом такого историко-философского материала является, вне всякого сомнения, античная философия, а также философия Древней Индии и Древнего Китая, и, скорее всего, современный философствующий ироник, создавая концептуальный конструкт «Я-философ-ироник», обратится не только к своему личному опыту, но и к вышеназванному историческому периоду в развитии философской мысли, в котором с такой яркостью проявляется понимание философа не только как творца философского учения, но и как создателя самого себя.

Последний вопрос, на который нам нужно обратить внимание в заключительной части данной статьи, звучит следующим образом: *как и при каких условиях* возможен концептуальный конструкт «Я-философ-ироник»? Мы полагаем, что поиск ответа на этот вопрос требует некоторого дополнительного обсуждения, и мы предлагаем начать с осмысления следующей конкретной ситуации, возникшей в истории западно-европейской философской мысли XIX в.

Известно, что после выхода в свет «Рождения трагедии из духа музыки» между Фридрихом Ницше и выдающимся филологом Ульрихом фон Виламовицем-Меллендорфом разгорелась бурная полемика. Суть этой полемики сводилась к тому, что Виламовиц-Меллендорф упрекал Ницше за пренебрежение истиной и игнорирование серьезной науки и писал о том, что последний слишком произвольно обращается с историческими фактами, отдавая предпочтение тем, которые вписываются в его концепцию, совершенно не замечая те данные, которые ее опровергают, на что Ницше, в свою очередь, отвечал, что факты сами по себе ничего не значат, осмысленность этим фактам придает теории, определенным образом их выбирающие и объясняющие. Все зависит от того, в какую систему интерпретации включен тот или иной факт, и поскольку абсолютная истина человеку неизвестна, то кто может сказать, что критерии подбора фактов Виламовица-Меллендорфа и его представление об истории лучше и истиннее, чем та историческая картина, которую «рисует» он, Ницше? И кроме того, если говорить о традиции историцизма, то кто из ученых может поручиться за то, что не могут быть открыты новые исторические факты, которые коренным образом изменят ту или иную общепринятую историческую концепцию? И в заключение, по мнению Фридриха Ницше, вера в силу истории разрушает человека, потому что тот, кто верит в силу истории, не верит в себя.

Даже не вдаваясь в подробности данной дискуссии, мы не можем не обратить внимание на то, что при условии признания неизвестности абсолютной истины и невозможности ее открытия человеком любая историческая концепция является только од-

ним из возможных способов описания реальности. В свете этого становится понятным призыв Ницше «освободиться от истории» и попробовать опереться на собственные творческие силы как при осмыслении себя и мира, так и при создании их образов как принципиально новых состояний действительности. Поэтому мы считаем, что использование творческих способностей философского конструирования (наряду с нашим обращением к сфере истории философии) позволит нам более или менее успешно справиться с задачей построения концептуального конструкта «Я-философ-ироник», причем в этой ситуации проблема «философского основания» приобретает весьма своеобразный вид, поскольку любые предположительные «строгие» и «обоснованные» историко-философские версии нашего конструкта все равно будут иметь статус «возможных», так как мы не сумеем оценить их с позиций истинности, выйдя из круга времени и истории и заняв по отношению к ним позицию постороннего наблюдателя, находящегося в вечности и знающего абсолют.

Таким образом, для того чтобы ответить на вопрос об основаниях и условиях создания концептуального конструкта «Я-философ-ироник», нам необходимо выделить ту первичную посылку, то основание, исходя из которого созданный нами конструкт будет иметь право на существование. Согласно нашей философской интуиции в качестве такого основания может быть предложен *принцип непостижимости человека и мира* (и, соответственно, невозможности владения человеком вневременной абсолютной истиной). Базируясь на этом принципе и руководствуясь им, мы можем создавать интересные нас конструкты, опираясь на способность создания возможных миров (которой обладает иронизирующий философ), поскольку если в качестве исходного начала философствования выдвинуть принцип непостижимости человека и его бытия (а следовательно, и непостижимости бытия философа), то любой созданный, «индивидуально окрашенный» вариант концепта «Я-философ-ироник» имеет право быть принятым во внимание.

Это, естественно, не означает нашего полного ухода в область «фантазии и произвола»: поскольку концептуальный конструкт «Я-философ-ироник» включает в себя понятие «Я-философ-ироник», то, помимо индивидуального субъективно-речевого компонента, он обязательно предполагает всеобщие смыслы и содержательные элементы. Кроме этого, исходная посылка, фиксирующая непостижимость человека и мира (и невозможность принятия любого догматического метафизического учения, за исключением «метафизического вопрошания») выступает только «началом» (основанием) построения конструкта «Я-философ-ироник», а «путь» его создания должен, как мы уже говорили, опираться на определенный

«эмпирический» историко-философский материал (например, на материал античной философии), по крайней мере, для того, чтобы претендовать на некоторую степень эффективности и успешности. Таким образом, мы полагаем, что основываясь на принципе непостижимости мира и человека и используя способность философского конструирования «возможных миров», а также придерживаясь в процессе

конструирования сферы не только индивидуального философского опыта, но и историко-философского и логического знания, мы (уже не поднимая вопроса об «обоснованности», «объективности» и «рациональности») можем осуществить попытку создания концептуального конструкта «Я-философ-ироник», представляя его в целостной форме текста, и оценить его философские возможности.

Библиографический список

1. Неретина, С.С. Средневековое мышление как стратегия мышления современного / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1999. – №11.